

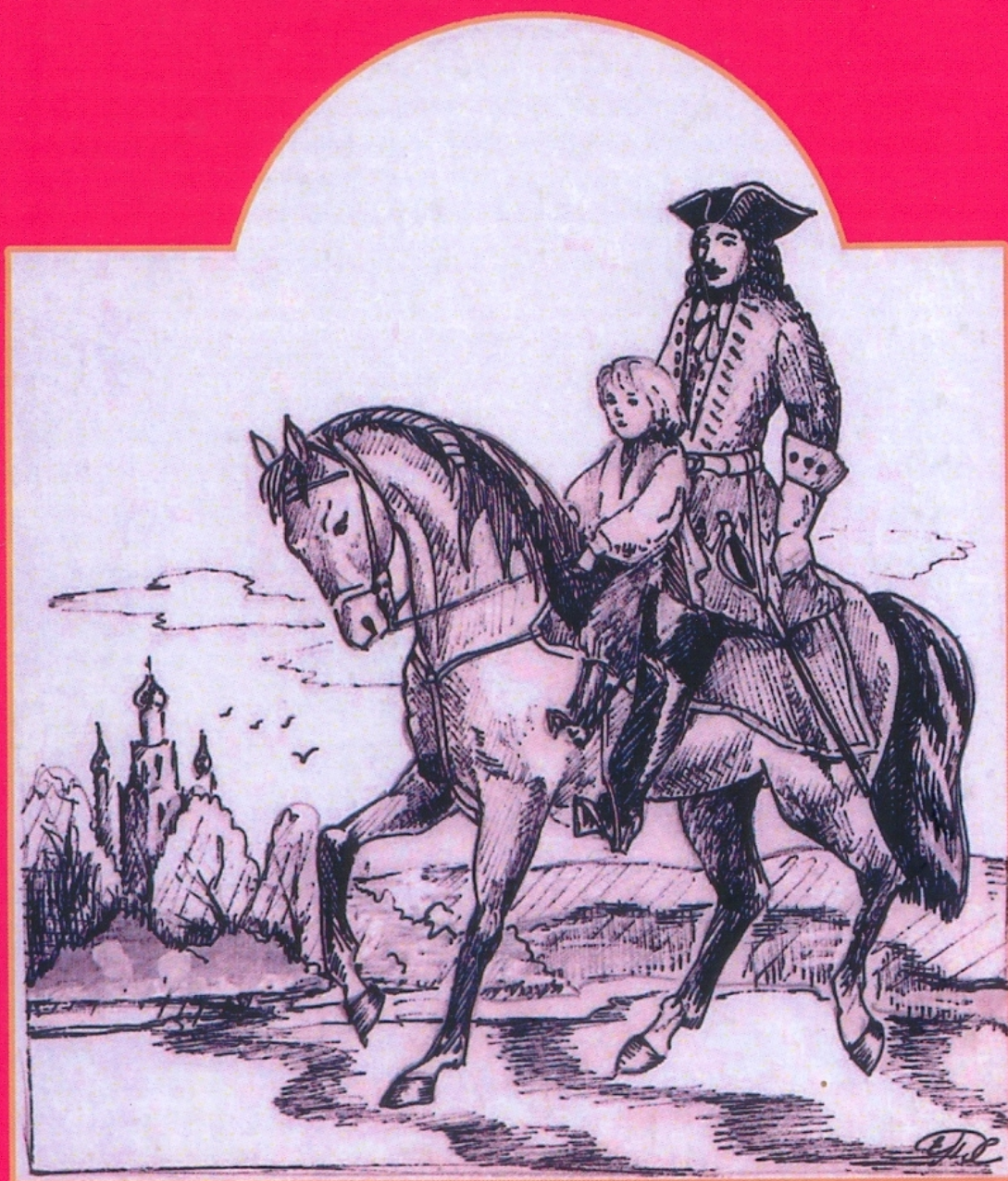
Ор84
Х93
А-388894

Павел Хрипко

КАПИТАНСКИЙ СЫН

Книга вторая

НЕПОКОРЁННЫЙ ОРЕНБУРГ

Op 84
X 93
Op 84

84(2=Н11.2)6-4
+ Op 84.5

Павел Хрипко - дар

Капитанский сын

Роман

Книга 2

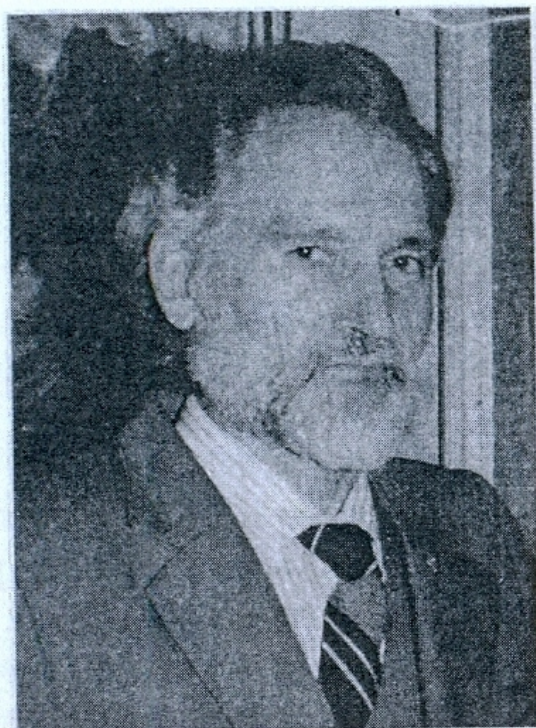
Непокорённый Оренбург

Челябинск
2021

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Н68883-20

КР

Павел Дмитриевич Хрипко родился в южном Оренбуржье, селе Яман Илекского района, 30 июня 1942 года. Окончил часовое училище и литературное отделение историко-филологического факультета Курганского педагогического института. Работал мастером на Угличском часовом заводе «Чайка», Златоустовском заводе секундомеров, учителем, завучем в родном селе. С 1980 года живёт в городе Троицке, где является руководителем старейшего на Урале народного литературного объединения «Степь». Автор романа, сборников повестей, рассказов, очерков: «Записки часовщика», «Своими глазами», «Четверть века на сцене», трилогии «Капитанский сын», исследования фактов биографии И.А.Крылова – публикация в сборнике «Михайловская Пушкиниана».

Дипломант Южно-Уральской литературной премии, лауреат Премии губернатора имени генерал-майора Ф. Н. Старикова, член Союза писателей России. Более тридцати лет является участником Троицкого народного казачьего заслуженного хора Южного Урала.

В автопутешествиях побывал: на Горном Алтае, Украине, в Абхазии, Чечне, городе Беслане (РСО-Алания), Казахстане, Карелии, Крыму, Италии. А также на родине В. И. Даля, И. И. Неплюева, С. А. Есенина, М. А. Шолохова, В. М. Шукшина, в Пушкинском заповеднике – селе Михайловском.

Предисловие

Во второй книге трилогии «Капитанский сын», «Непокорённый Оренбург», рассказывается о пребывании семьи Крыловых в Оренбурге с 1769 по 1774 год на фоне грозных событий Пугачёвского восстания. В романе прослеживается взросление, формирование характера, литературного таланта, интересов и увлечений будущего баснописца.

Рассказывается о военных походах и приключениях капитана Андрея Крылова, затрагиваются малоизвестные факты вмешательства внешних разведок западных стран в дела Российской империи.

Показан авторский взгляд на деятельность Е.И. Пугачёва, И.А. Рейнсдорпа, Н.А. Бекетова и других исторических личностей России.

Приняв во внимание пожелание А.С. Пушкина в предисловии к «Истории Пугачёва», что «историческая страница, на которой встречаются имена Екатерины, Румянцова, двух Паниных, Суворова, Бибикова, Михельсона, Вольтера и Державина, не должна быть затеряна для потомства», присовокупим к оным и славные имена И. И. Неплюева, П. И. Рычкова и героического капитана А. П. Крылова, отца и наставника великого русского баснописца.

НЕПОКОРЁННЫЙ ОРЕНБУРГ

Часть первая. Троицкий тракт

*В дороге и отец сыну товарищ, а
в попутье людей и узнают.*

1. «Службу служи, а сам – не тужи!»

Оренбургский драгунский полк, согласно Указу Военной Коллегии, следовал из Троицкой крепости к театру военных действий, в Астрахань, с заездом в губернский город Оренбург.

Обманчиво бесконечная, уходящая хвостом за горизонт, колонна из утеплённых возков с семьями офицеров, санями с фуражом, военными и съестными припасами, конниками двигалась довольно ходко. Ни буранов, ни снежных зарядов не случилось от самого Николая зимнего, и Троицкий тракт был довольно широк и раскатан. В голове и хвосте обоза, а также через равные промежутки внутри колонны следовали

вооружённые драгуны и казаки. Путь в семьсот с лишним вёрст по зимнику был не только труден, но и довольно опасен. Малообжитый, спорный край, затерянный в бескрайних степях, со свирепыми снежными буранами, пронизывающими бешеными ветрами, сотнями непуганых волчьих стай, проворными лихими ватагами, оживал только к началу знойного лета. Теперь же, хоть день и прибывал на воробьиный скок, был самый разгар суровой уральской зимы.

Низкое январское светило выпуталось, наконец, из пелены белёсых, квёлых облаков и заиграло весёлыми зайчиками на сбруе, украшенной льдистым куржаком от намерзшего конского пота.

Поручик Крылов, двигавшийся со своим эскадроном в арьергарде* колонны, провожал глазами проплывавшие мимо редкие кусты задеревеневшего будылья, перебирал в памяти события последних дней. После встречи с конвоем пленных конфедератов, следующих в Троицкую крепость, запасмурнело на душе, и это тоскливое состояние не покидало его. Поручик с грустью представлял ставший малолюдным гарнизон крепости. Ему почему-то стало жалко всех оставшихся: и казака-картофелевода Василия Антоновича с семейством, и посадских доверчивых мужиков, с которыми приходилось рыбалить, и ремесленников с Нижнего Форштадта, у которых он тачал сапоги. Жалел даже вздорного коменданта Рененкампа, который всё же, несмотря ни на что, в обиду его не давал, хотя, быть может, исполнял волю своей сумасбродной супруги.

Осанистая волевая барыня нередко задерживала взгляд на бравом храбром поручике. Андрей чувствовал её навязчивое внимание, но считал его никчёмным и вздорным. Перебирая в памяти прожитые годы семейной жизни, он вдруг ясно понял, что лучшее своё время он провёл в Троицкой крепости. Неведомое ранее, настоящее чувство влюблённости он испытал здесь, здесь познал Марию и, конечно же, сын Ванюша родился тоже здесь. "А что дальше? – размышлял он. – Война. Буду ли жив? Как Мария с Иваном проживут без меня?" Жаль, что большую часть припасов оставили

в крепости, солдатам, да посадских одарили. Часть картошки и соли Андрей отвёз в Нижний Форштадт улыбчивому татарину Ахмеру-шорнику, добротню и скоро починявшему сбрую его взводу. Терпеливо объяснил, как выращивать эту заморскую овощь, мало того, привёз им целый чугунок отваренных клубней, попотчевал – понравилось. Подумалось: может, и помянут, когда-нибудь добрым словом.

2. Волки

Грустные его мысли прервал простуженный надтреснутый голос казака в заиндевелом тулупе, лежавшего на возу с сеном:

– Ваш бродь*, не подскажите ли, где ночевать-то будем?

– Что, али задубел от мороза? Пробежался бы малость, разогрелся. До Чернореченской ещё не близко.

– Да я-то не озяб, мы к холоду привычны, а вот кони, ваш бродь, ведут себя настороженно, всхрапывают, ушами стригут, сами на рысь переходят, как будто боятся чего-то.

– Ты давно это заметил? – упредив Крылова, спросил ехавший рядом урядник*.

– Да с час, поди. Я уж доложил поручику, что до вас был, а он только рукой махнул.

– Тут дело недоброе, ваш бродь, – повернулся урядник к Крылову, – кони зверя учуяли.

– А ну, служивый, кликни сюда вахмистра*, – приказал Крылов обозному казаку.

И враз по верстовой цепочке в голову обоза понеслось:

– Вах-мист-ра в хвост ко-ло-нны!

Вскоре на караковом жеребце по обочине, не дожидаясь прохода всего обоза, подскочил встревоженный вахмистр.

– Андрей Прохорыч! Это вы меня кликали? Что тут у вас стряслось?

– Да вот, любезный Иван Ипатыч, кони беспокоятся, ведут себя странно.

– Ну что ж тут странного? Знать, появились волки и в нашем колке. За нами, видно, гонится стая голодных бирюков,

кайсаки их кыскырами называют. А поскольку ветер повернул нам в спину, то кони учуяли их поганный волчий дух. Обычно здесь, в урочище Санарского бора, они и кучкуются. Так-то они в одиночку охотятся, а ежели добыча большая, то в стаи сбиваются. Умные зверюги, настоящие охотники, а коли голодные, то и бегают споро. Пока они позади, не страшно, мы их встретим, а вот коли встрень наскочут, тогда беда, обозные лошадки все оглобли переломают.

– А если они в обгон пойдут? – забеспокоился Крылов.

– Здесь не обойдут, намело изрядно, снега глубокие. По тракту им легче догонять. Пока они, как привязанные. Ну и оружие проверьте, чтоб смазка не застыла. Они скоро покажутся.

– Ипатыч, ты человек бывалый, подскажи дискурс*, как лучше действовать?

– Да дело нехитрое. Стрелять надо залпами. Первыми – по сторонам, чтоб не обошли, а потом в центр, в самую гущу. И близко к себе не подпускать – порвут. А я пока в голову колонны командиру полка доложу да узнаю, что впереди делается. Они могут и спереди нас караулить, хитрые твари.

* * *

Дорога пошла под уклон, и, когда обоз стал подниматься на увал, Андрей обернулся назад и невольно придержал коня. На взгорке, с которого скатился обоз, на фоне белёсого неба, чётко вырисовывался с пяток серых хищников.

Впереди самый крупный тёмно-серый зверь с мощной головой и широкой грудью.

– Вот и вожак нарисовался, – молвил поручик.

Выстроившись в широкий полукруг, волки смотрели на удалявшийся обоз.

– Так что, это и все волки? – недоумевающе протянул капрал, замыкавший колонну.

– Погодь, это только разведка, – протянул урядник, – скоро и вся свора явится.

И в самом деле, не прошло и минуты, как за главарём выставилась многоголовая стая серых зверюг. Короткая за-

держка – и всё скопище голодных хищников, взметая снежную пыль, ринулось в погоню за удалявшимся обозом.

Близкую жуткую опасность враз почуяли не только люди, но и кони.

Драгунам с большим трудом удавалось сдерживать храпящих, встающих на дыбы животных, удерживать строй, а с головы колонны, по обочине, мчался бешеным аллюром вахмистр с десятком казаков. Бросив беглый взгляд на Крылова, услышал:

– Командуй, Ипатыч!

Вахмистр, приняв командование и оценив обстановку, зычным, перекрывающим все шумы голосом, прокричал:

– Всем держаться в строю, на отдель не выскакивать! Сами можете под пули угодить! Да берегите коней! Близко к себе зверя не подпускать, вмиг в шею вцепится. Стрелять по моей команде!

Крылов, временно передав командование эскадроном драгун более опытному в такой ситуации вахмистру, напряжённо следил за складывающейся обстановкой. А свора всё ближе. Впереди матёрый, самый крупный волчара, за ним лавой, до полусотни, а может и более, вся жуткая стая лютых хищников, потерявших от голода чувство опасности.

Они уже несколько вёрст гнались за поживой, и вот она почти рядом. Вожак, чуя за собой внушительную силу собратьев, смело, без опаски, вёл свору на страшный промысел.

Драгуны и казаки, с трудом развернув храпящих от страха, пятящихся коней, ошетилившись ружьями, ждали команды.

Первый же залп, как невидимая стена, отсёк первую линию хищников. Снег враз обрызгался алым цветом, раздался душераздирающий вой и визг серых разбойников. Вожак, с оскаленными клыками, прошитый несколькими пулями, лежал на боку, дрыгая лапами. Две свирепых стаи, пытавшиеся по обочинам дороги прорваться к обозным лошадям, были сразу же перебиты. Очередной залп рассеял задние ряды и обратил в бегство оставшихся в живых и легкораненых хищников.

– Ваш бродь, – тронул Андрея за рукав молодой драгун, – дозвольте посечь остатних, чтоб неповадно было.

– Отставить! – возмутился поручик, – ты что, хочешь коня лишиться? Это зверье сами с собой разберутся. Да и жалко их, – подумал он про себя, – тоже божьи твари, есть хотят, хотя на зуб им лучше не попадаться.

Когда обоз удалился от побоища и кони немного успокоились, из-за пригорка вынырнула небольшая группка уцелевших серых хищников и набросилась на раненых и убитых собратьев.

– Волчьи законы людским сродни, – подумал Крылов, – храбрые гибнут – трусы выживают

3. Дело государево

После ночёвки у Чернореченского форпоста миновали хорошо укрепленные Степную и Петропавловскую крепости: на пути была старейшая Верхо-Яицкая фортеция. Крылов со своим эскадром переместился в голову колонны, где его встретил поручик Юматов:

– Наконец-то я тебя нашёл, Андрей Прохорыч.

– А чего меня искать, я всегда в нужном месте. Волчью свору отбили, теперь вот околёмываемся, – заулыбался в усы Андрей.

– Слух пошёл по колонне, что вы всех волков покروшили, и теперь до самого Оренбурга можно без опаски катиться.

– Э, шутишь, брат! Степь, как говорит вахмистр Ипатыч, она, как кошма. Сколь блох не трясси, всех не вытрясешь. А волка бьют не за то, что сер, а за то, что овцу съел.

* * *

После крутого поворота на юг дорога пошла на подъём. Вдали, еле различимые на фоне мглистого неба, показались заснеженные глыбы гор.

– Ну вот, скоро и на Верхо-Яицкую выйдем, там вся молодость моя прошла, – нарушил затянувшееся молчание Юматов. – Место не особо сытное, своего хлеба не сеют – жди, пока привезут, да если ещё дорогой туземцы не ополовинят.

– И часто они на обозы нападают? – нахмурился Андрей.

– Ну, теперь реже. Всё ж крепостицы понавтыкали, редутами опутали, границу перекрыли, разъезды высылают. Так ведь местность там увалистая, да и горы близко, а это не степь, где можно за три версты всадника углядеть. Одна там утеха – рыбалка. Рыба на Яике водится отменная, ею только и спасались.

– Там же вроде ещё и пристань была?

– Ну, да. Поначалу-то задумал Кириллов там пристань соорудить, чтоб лес да провиант к Орской крепости сплавлять. Тогда она ещё Оренбургом называлась. Да иноплеменники воспрепятствовали. Пристань пожгли, а защитничков – под корень.

– И много там служивых полегло?

– Все до единого, кто их там считал, но хоть расшибись, а указ надо исполнять. Дело-то государево.

– И что далее-то? – не унимался Крылов.

– Ну, по весне снова стройку затеяли, но верстой пониже, в удобном месте, да возвели уже крепость. А сколько там нашего брата служивого полегло, о том Питеру не докладывали. И замерзали, и от голода пухли, порой и шкуры лошадиные варили, и от набегов отбивались. Тошнёхонько было, а всё ж крепость уберегли. Она местным племенам до сих пор как кость в горле. Знали, что утеснение им будет, но против воли государевой не попрёшь. И крепостицу отстроили знатную.

– Ну, а пристань?

– А с ней ничего не вышло. На карте его превосходительства Кириллова Яик вроде стоящая река. И полноводная, и к судоходству пригожа, а на поверку всё боком. Река сия водой от снежных гор питается. Только по весне бурлива и бывает, а как горные потоки иссякнут, она мельчает, на старицы, заводи разбивается, новые протоки находит, да уж и извилиста безмерно. Так что ни для плотов, ни для барок особо не пригодна. Уж опосля, когда дотумкали, что и Орская крепостица на гиблом месте устроена, стали и ей новое пристанище подыскивать.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста Данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 61-60-26